

П. П. ПЕРЦОВ

Тень славянофильства

Странна была судьба у нас славянофильства! Несомненно, что это учение было и остается до сих пор самым оригинальным созданием русской мысли. Сравнительно с подражательной философией западников, славянофильство выделяется как единственная область, где худо ли, хорошо ли, но русское мышление засвидетельствовало хоть сколько-нибудь о себе, как о чем-то «новом» и «своем». Но вот это новое и свое с самого появления и до сих пор остается где-то в задних рядах нашей умственной жизни и влияния и с годами нисколько не продвигается в первые ряды — скорее еще более отстывает и ступшевуется. Все сроки уже прошли, нужные для признания новизны, и нельзя же серьезно говорить о недоступности сейчас для нас мышления Хомякова или К. Аксакова.

Давно назревала потребность разобраться беспристрастно в этом вопросе, определить, *sine ira et studio**, без партийного «гнева» западников и запоздалого «усердия» последних приверженцев, — что же, собственно, представляет собою славянофильство? И каково, в особенности, значение и ценность его *для нас*, в настоящей момент, — учитывая при этом не одни только изъезженные, общие пути «популярных» убеждений, но всю картину современной русской духовной жизни, все достигнутые в ней новейшими движениями результаты? Эта нелегкая задача могла быть в свою очередь разрешена только при условии прохождения собственным опытом через популярное и непопулярное, «общее» и «частное» нашего духовного мира. И вот этой весной (1912 г.) в серии «Русские мыслители» московского книгоиздательства «Путь» вышла, наконец, монография о Хомякове Н. А. Бердяева¹. Это труд не только добросовестный

* Без гнева и пристрастия (лат.). — Ред.

и критически обдуманый, но что главное — вполне *современный*. Г. Бердяева, можно сказать, сама судьба посадила написать эту его книжку: когда-то горячий западник, один из видных наших «марксистов», он путем долгой и сложной эволюции, минуя многие «вехи», пришел к теперешнему своему полуславянофильству, сохранив, однако, многое ценное из своего западнического прошлого. Поэтому-то ему и удалось написать в своем роде классическую книжку о Хомякове. Конечно, он несколько увлекается в пользу своего героя, как каждый биограф, каждый Плутарх. Так, он переоценивает гносеологическую значительность славянофильства и ценность его «победы» над Гегелем. Критика Хомяковым (и остальными славянофилами) германской философии носила, в сущности, только скептический характер и, не делая нового творческого шага вперед (по крайней мере, философски сформулированного), укрывалась под сень религиозных основ. Но провозглашать «целостный дух» гносеологическим принципом не значит еще преодолеть рассудочную «рассеченность» немецкого идеализма. Метод религиозных постижений не есть метод философского познания. Без «категорий» все равно не обойдешься, но центр вопроса в том, чтобы их логический, висящий строй продвинуть до онтологического «материка». Этого славянофилы не сделали, и оттого их учение не стало русской философией.

Также слишком благосклонно относится г. Бердяев к политическому утопизму славянофилов. В этой области они оказались особенно несостоятельны. Странная слепота их тем более удивительна, что они не делали из своих идеалов откровенной утопии, подобной «солнечным» мечтам Платона или Кампанеллы (что сняло бы с них всякий упрек), а упорно желали видеть в ней осуществленную уже действительность. Здесь сказалась та черта досадного прекраснодушия и какой-то дешевой удовлетворенности, которая вообще была ложкой дегтя, испортившей всю бочку славянофильского меда. Как известно, то же повторилось и в идиллическом взгляде славянофилов на религиозные противоречия и разногласия Востока и Запада.

Впрочем, в общем сам г. Бердяев хорошо подчеркивает этот недостаток универсализма в философии старых барских усадеб былой России. Он справедливо отмечает, что свое бытовое благополучие и историческое благоденствие тогдашней России славянофилы склонны были возводить в нечто почти трансцендентно-значительное, совершенно не предугадывая роковых катастроф, прошедших после по лицу земли русской. «Это искиение Града Божьего в древней Руси (т. е. славянофильская

идеализация допетровской России), это отношение к русскому национальному быту как к эпохе почти хилиастической обнаруживает двойственность славянофильства, его языческо-христианскую природу. Они смешали град языческий с тысячелетним царством Христовым» (с. 15).

Эта нить распутывает действительно весь клубок славянофильства — то характерное переплетение противоречий, из которых состоит в сущности это учение. Универсальный церковный идеал — и отождествление его с далеким от совершенства строем поместной церкви; проблематическая «безгосударственность» русского народа — и несомненный факт создания этим народом одного из величайших в истории государств; почти ветхозаветный догмат «избранничества» России («о, недостойная избранья! ты избрана»² и т. д. — в известном стихотворении Хомякова), — и совершенная неопределимость этого избрания, прикрываемая общими местами мессианской философии истории. Таковы были свет и тени славянофильства, слишком сплетавшиеся между собою, чтобы осветить реальный исторически путь России.

Верно заметил г. Бердяев, что «великая правда русских в том, что они не могут примириться с градом земным... Этим русские радикально отличаются от людей Запада» (с. 245). И этот же «дух странничества» увлек нас от старой «твердой земли» славянофильской бытовой Руси к тонущим в тумане «новым берегам» новой, неведомой России.

1912 г., июнь

